БОЛЬШІЕ ГОРОДА

И ИХЪ ВЛІЯНІЕ НА

ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ.

А. А. Исаева,

ординарнаго профессора демид. юрид. лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Г. В. Фалькъ.

1887.

Труды А. А. Исаева.

Промыслы Московской губернии. 3 выпуска. Москва. 1876, Ц. 2 р. 50 к.

Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Москва, 1879. Ц. 2 р. 50 к.

Задачи и методъ политической экономіи. Ярославль, 1879. Ц. 20 к.

Артели въ Россіи. Ярославль, 1881. Ц. 2 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. Ярославль, 1881. Ц. 30 к.

О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. С.-Петербургъ, 1882. Ц. 20 к.

Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Ярославль, 1883. Ц. 40 к.

Государственный кредитъ. Ярославль, 1886. Ц. 1 р. 25 к.

Продаются у гг. книгопродавцевъ: Анисимова, Мамонтова и Глазунова въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и Соболева въ Ярославлѣ.

Печатается брошюра:

Составныя части и методы политической экономіи.

БОЛЬШІЕ ГОРОДА
и ихъ вліяніе
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ.

А. А. Исаева,

ординарнаго профессора Демид. юрид. лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. В. Фалькъ.
1887.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. М. Шпилевскій.*

Эта брошюра составлена изъ публичной лекціи о большихъ городахъ, читанной мною въ Ярославлѣ въ пользу Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея 19 марта и Москвѣ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ при 3-й гимназіи 19 апрѣля нынѣшняго года.

А. А. Исаевъ.

Ярославль.
19 октября 1886 года.

I.

Большіе города, занимающіе такое видное мѣсто въ современной цивилизаціи, какъ и всѣ явленія мірозданія, возникаютъ, развиваются и клонятся къ упадку подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ. Случайная прихоть могущественнаго правителя способна создать городъ; пылкое воображеніе можетъ населить этотъ городъ милліонами людей, сдѣлать его средоточіемъ цвѣтущей торговли и промышленности, разсадникомъ науки и искусства, центромъ государственной и хозяйственной жизни страны; но если нѣтъ для его процвѣтанія многочисленныхъ условій, независимыхъ отъ воли отдѣльнаго лица, то созданіе является мертворожденнымъ. Припомнимъ остроумное и вѣрное замѣчаніе австрійскаго императора Іосифа II, сопровождавшаго императрицу Екатерину въ ея путешествіи по Россіи. Положивъ вмѣстѣ съ нею камни для предположеннаго ею къ основанію города, онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: „нынче мы совершили великое

дѣло: моя сестра Екатерина положила первый камень новаго города, а я — послѣдній" [1]).

Но тамъ, гдѣ географическія условія какъ-бы предназначаютъ мѣстность сдѣлаться средоточіемъ вещественныхъ и духовныхъ, хозяйственныхъ, государственныхъ и культурныхъ интересовъ народа, тамъ городъ, основанный, будто, случайно, по произволу, таитъ въ себѣ зародыши пышнаго процвѣтанія и скоро далеко оставляетъ позади себя искусственные центры, созданные прихотью сильныхъ владыкъ.

Вѣрная защита отъ вражескихъ набѣговъ, удобное мѣсто для обмѣна товаровъ и удовлетворенія матеріальныхъ потребностей—вотъ двѣ настоятельныя нужды, возникающія еще въ раннюю пору исторической жизни, на низкомъ уровнѣ культуры; эти нужды громко заявляютъ о себѣ еще у мелкихъ племенъ, за долго до сплоченія ихъ въ обширныя государства.

Что-же, какъ не топографическія условія даннаго мѣста заставляютъ племя угадать, гдѣ всего полнѣе могутъ быть удовлетворены эти потребности? Высокій холмъ, служащій естественной защитой, прилегающая къ нему плодоносная равнина, полноводная рѣка, берегъ моря съ удобными гаванями, срединное положеніе въ бассейнѣ одной или нѣсколькихъ

рѣкъ или даже на всей площади, занимаемой даннымъ племенемъ—вотъ географическія условія, важность которыхъ угадывается даже неразвитымъ умомъ людей въ самомъ началѣ исторической жизни и которыя побуждаютъ къ основанію города. Холмъ увѣнчивается крѣпостцей, кремлемъ, подъ охраной котораго населеніе чувствуетъ себя безопаснымъ отъ внѣшнихъ враговъ; плодоносная равнина въ изобиліи снабжаетъ многочисленное населеніе произведеніями земли; рѣка и морское побережье облегчаютъ сношенія съ отдаленными окраинами площади, и даже центральное положеніе внутри этой площади дѣлаетъ мѣстность для всего племени равно доступной.

Перелистаемъ страницы исторіи. Вотъ Ниневія, гдѣ, по словамъ пророка, сто двадцать тысячъ не умѣли отличить правую руку отъ лѣвой; вотъ Вавилонъ, славный своими дворцами, висячими садами, каналами, равный, по словамъ Аристотеля, своей обширностью цѣлому государству. Эти главные носители халдейской цивилизаціи возникли и пышно расцвѣли въ благодатной долинѣ многоводныхъ Тигра и Евфрата. На берегахъ Нила и Средиземнаго моря, въ Мемфисѣ, Ѳивахъ и Александріи находила свое высшее выраженіе обществен-

ная жизнь царства Фараоновъ. Быстрое развитіе эллинской культуры было многимъ обязано несравненному приморскому положенію Аѳинъ и Коринѳа, этихъ главныхъ средоточій греческаго богатства и образованности. Маленькій незамѣтный Римъ быстро опередилъ своимъ ростомъ могущественную соперницу Альбу-Лонгу; когда у ногъ его лежалъ весь міръ, когда богатѣйшія страны востока и запада, сѣвера и юга везли ему дани своими произведеніями, а грозные ранѣе цари украшали торжественныя шествія римскихъ диктаторовъ, когда любой изъ большихъ городовъ могъ быть сдѣланъ столицею обширнаго государства — и тогда близость моря и воды Тибра давали Риму тѣ выгоды, которыя такъ важны для развитія городской жизни. Подобные примѣры даетъ намъ исторія и новаго времени. Близость моря и большая рѣка дѣлаютъ Лондонъ естественнымъ центромъ общественной жизни Англіи; Парижъ, по словамъ одного новѣйшаго географа [2]), обязанъ многимъ уже тому, что изъ всѣхъ большихъ городовъ онъ наиболѣе близко отстоитъ отъ главныхъ центровъ Европы, Петербурга и Стокгольма, Мадрида, Лиссабона и Лондона. Главная рѣка государства и узелъ дорогъ, связующихъ страны, издавна тяготѣвшія къ объеди-

ненію, дали Вѣнѣ всѣ условія для быстраго развитія. То же, наконецъ, можемъ мы замѣтить въ исторіи и нашего отечества. Новгородъ и Кіевъ, эти двѣ колыбели русской цивилизаціи, возникли на большихъ рѣкахъ; недостатокъ плодоносной равнины, служившей послѣднему, возмѣщался для перваго близостью моря и удобствомъ сношеній со всѣмъ балтійскимъ побережьемъ. Довольно бѣглаго взгляда на карту Россіи, что-бы понять, почему Москва, равномѣрно удаленная отъ волжскаго, днѣпровскаго и донскаго бассейновъ, должна была рано сосредоточить въ себѣ главныя нити общественной жизни средней и сѣверной Россіи. А геніальный умъ Петра понялъ географическія выгоды балтійскаго побережья и такъ же вѣрно избралъ мѣсто для новой столицы Россіи, какъ за 14 вѣковъ до него Константинъ угадалъ мѣсто, куда и до сихъ поръ направлена зависть многихъ народовъ Европы.

Удобства мѣстности, первоначально содѣйствующія росту основаннаго города, никогда не утрачиваютъ вполнѣ своего вліянія; но это вліяніе затѣняется многими новыми силами, которыя выпукло обозначаются въ общественной жизни. Мѣсто защиты отъ внѣшнихъ враговъ становится и мѣстомъ главной опоры по-

рядка внутри страны. Сюда, къ вождю племени притекаютъ обиженные искать своего права; здѣсь слабый ищетъ защиты отъ давленія сильнаго; отсюда исходитъ юридическій порядокъ, постепенно вносящій единство въ разнообразіе обычныхъ правъ, которыми руководствуются отдѣльныя группы племени; сюда поступаютъ съ населенія дани натурой и деньгами, и отсюда удовлетворяются несложныя государственныя потребности малоразвитыхъ обществъ. Такимъ образомъ, здѣсь сосредоточена высшая охрана интересовъ въ войнѣ и мирѣ, сюда свозятся товары для удовлетворенія нуждъ служилаго класса. Посѣщенія города для обмѣна товарами, обычай сходиться въ опредѣленные сроки и образованіе постояннаго торга сопряжены съ удовлетвореніемъ и болѣе высокихъ потребностей, прежде всего, потребностей религіи. Окончивъ будничныя занятія мѣны, пришельцы соединяются для общественной молитвы, и храмы, становясь необходимой принадлежностью города, служатъ новой притягательной силой для населенія.

Но умъ ищетъ и иной пищи: не успѣвъ сдѣлаться любознательнымъ, человѣкъ въ эти раннія эпохи любопытенъ. Гдѣ-же, какъ не въ городѣ, можетъ онъ узнать многое, недоступ-

ное для него въ сельскомъ уединеніи? Сюда впервые доходятъ вѣсти о нападеніи, которымъ грозитъ врагъ; здѣсь могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія о новыхъ поборахъ, налагаемыхъ на населеніе; здѣсь отъ единственныхъ представителей просвѣщенія—служителей церкви—могутъ быть получены истолкованія разныхъ земныхъ и небесныхъ явленій, которыя такъ страшатъ умъ неразвитаго человѣка и такъ плѣняютъ его воображеніе.

Уже въ этотъ періодъ, столь давно пережитый современными цивилизованными народами, города содержатъ въ себѣ зародыши тѣхъ притягательныхъ силъ, которыя, безконечно возростая и измѣняясь въ формахъ проявленія, по существу своему однѣ и тѣ же.

Чѣмъ болѣе развивается общественная жизнь, чѣмъ разнообразнѣе становятся нужды народа, чѣмъ сложнѣе потребности, тѣмъ болѣе разносторонни и интересы, которые городъ, и именно большой городъ, способенъ удовлетворять. Почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ великій стоикъ Сенека такъ писалъ своей матери о значеніи Рима. „Посмотри на это множество людей, для которыхъ едва достаетъ домовъ въ безпредѣльномъ городѣ. Большая часть этой толпы живетъ вдали отъ своей родины. Они сте-

клись сюда изъ своихъ общинъ со всѣхъ концевъ земнаго шара. Однихъ привлекло честолюбіе, другихъ—необходимость искать общественной должности, иныхъ—ихъ званіе депутатовъ, иныхъ—стремленіе къ роскоши, которая ищетъ шумныхъ мѣстъ, изобилующихъ богатствами; однихъ—любовь къ наукамъ, другихъ—къ зрѣлищамъ. Этихъ привлекла дружба, тѣхъ—промыселъ, который находитъ здѣсь обширное поле для проявленія своего искусства. Одни продаютъ свою красоту, другіе—свое краснорѣчіе. Нѣтъ такого рода людей, которыхъ не встрѣчалось-бы въ столицѣ, гдѣ сулятъ крупныя награды, и добродѣтели, и пороку“ [3]). Развѣ не буквально такая же характеристика должна быть дана притягательной силѣ большихъ городовъ и нашего времени? Развѣ статистическія переписи за послѣдніе годы, показывая, напр., что изъ всего населенія Москвы по рожденію принадлежитъ ей немного болѣе $1/4$, Петербургу и Парижу менѣе $1/3$, Берлину—менѣе $1/2$ [4]) не напоминаютъ словъ Сенеки, что большая часть жителей древняго Рима принадлежала отдаленной родинѣ?

Тамъ, гдѣ на небольшой площади сосредоточиваются сотни тысячъ или милліоны людей, гдѣ собрались представители всѣхъ концевъ обширнаго государства, отдаленныхъ странъ и многихъ народовъ, гдѣ каждый, отъ Красса и Вандербильта до послѣдняго бездомнаго бѣдняка, чаетъ удовлетворить свои потребности, гдѣ богатство и красота, умъ, знанія и добродѣтель ищутъ наибольшей полноты матеріальной и духовной жизни, гдѣ бѣдность ожидаетъ вѣрнаго крова и хлѣба, болѣзнь—исцѣленія, тамъ не можетъ быть однообразія жизни деревни или малаго города: самыя высокія добродѣтели и самыя низкія страсти находятъ себѣ широкій просторъ и, удовлетворяя себя, порождаютъ крайне многостороннее и богатое содержаніе жизни.

II.

Посмотримъ на показную сторону этой жизни.

Прежде всего—потребности тѣла. Все, что производитъ трудъ человѣка въ разныхъ концахъ земнаго шара, все, что создаетъ промышленное искусство, что нужно было-бы по частямъ собирать изъ многихъ мастерскихъ, фабрикъ, заводовъ, рудниковъ, садовъ, виноградниковъ—все сосредоточивается здѣсь въ изобиліи и разнообразіи, удовлетворяющихъ и самую безумную роскошь, и здравыя потребно-

сти удобства. И это стремленіе большаго города отвѣтить на всѣ запросы вкуса и моды не есть отличительный признакъ только нашего времени. По словамъ одного государственнаго мужа древней Греціи, Аѳины сосредоточивали въ себѣ все, что было сладкаго въ Сициліи, Италіи, Лидіи, Кипрѣ [5]). Аристидъ, бытописатель древняго Рима, говоритъ, что туда свозили товары со всѣхъ земель, всѣхъ поясовъ, всѣхъ временъ года, все, что производятъ рѣки и моря, трудъ эллиновъ и варваровъ. Испанія, Галлія, Малая Азія, Египетъ посылали Риму произведенія земли; Британія, Арменія— скотъ, соль; Александрія, Вавилонъ, Греція— драгоцѣнные каменья, пышныя одежды, оружіе; привозились одежды даже для бѣдныхъ людей [6]). Каждому извѣстна въ этомъ отношеніи физіономія современнаго большаго города. Но теперь не довольствуются сосредоточеніемъ разнообразныхъ товаровъ въ городѣ; духъ торговой предпріимчивости ведетъ къ образованію въ большихъ городахъ крупныхъ единицъ, гдѣ бы въ предѣлахъ одного зданія могли быть пріобрѣтаемы предметы для разныхъ потребностей и различныхъ вкусовъ. Огромные магазины большихъ городовъ и, во главѣ ихъ, парижскій „magasin du Louvre“ всего лучше выражаютъ это стремленіе.

Но напрасно было-бы думать, что большіе города, привлекая товары отовсюду, не принимаютъ живаго участія въ производительной дѣятельности народа. Напротивъ, трудъ, направленный на производство матеріальныхъ богатствъ, достигаетъ здѣсь и наибольшей успѣшности и наибольшаго искусства и, часто, наибольшаго напряженія. Уже одно скопленіе многочисленныхъ массъ, возможность для каждаго обогащаться изъ опыта сосѣдей, обширность мѣстнаго рынка для сбыта товаровъ быстро ведутъ къ раздѣленію труда и увеличиваютъ его успѣшность. Гдѣ, какъ не въ большомъ городѣ, ремесленникъ, даже не получившій правильной школьной подготовки, развиваетъ свой вкусъ, воспитываетъ вѣрность глаза уже изъ сравненія множества разнообразныхъ предметовъ, которые представляются на каждомъ шагу? Гдѣ, какъ не здѣсь, во всѣхъ отрасляхъ человѣкъ уже одной дороговизной жизни побуждается цѣнить свое время и работать съ наибольшей энергіей? Здѣсь, наконецъ, промышленная изобрѣтательность находитъ себѣ для примѣненія наиболѣе обширное поприще. Чѣмъ полнѣе удовлетворяются матеріальныя потребности, тѣмъ къ большимъ удобствамъ стремится человѣкъ, и наличность въ городѣ

богатыхъ классовъ, которые особенно легко откликаются на всякое улучшенiе и утонченiе матерiальной жизни, дѣлаетъ выгоднымъ примѣненiе всѣхъ усовершенствованiй техники, отъ ничтожныхъ, удовлетворяющихъ тщеславiе, отъ измѣненiй моды, предписывающей носить двухъаршинные шлейфы или урѣзывать платье на 2 вершка отъ земли, до крупныхъ и важныхъ улучшенiй въ устройствѣ жилищъ, снабженiи водою, освѣщенiи. Съ этими отличительными особенностями, дѣлающими большiе города разсадниками матерiальныхъ успѣховъ, знакомятъ насъ и отдаленные вѣка и современность. Пурпуровыя ткани, эти богатѣйшiе наряды древняго востока, были произведенiями Тира и Вавилона. Александрiя не имѣла соперниковъ въ ткачествѣ. Аѳины еще за 6 вѣковъ до Рождества Христова славились своимъ оружiемъ. Громкая извѣстность нюрнбергскихъ оптиковъ и игрушечниковъ восходитъ до мрака среднихъ вѣковъ. Кто не знаетъ, какимъ высокимъ совершенствомъ издавна отличаются разнообразныя издѣлiя Парижа, а въ болѣе новое время Вѣны, Берлина, Петербурга? Не нужно думать, что трудъ городскаго населенiя направляется на изготовленiе только предметовъ роскоши: какъ древняя Александрiя для своего времени была главной производительницей полотна, такъ теперь Москва, Берлинъ, Лондонъ являются одними изъ важнѣйшихъ фабричныхъ средоточiй своихъ странъ и производятъ разнообразные товары всякихъ цѣнъ и для всѣхъ слоевъ населенiя. Примѣненiе въ промышленности паровыхъ двигателей повело къ сосредоточенiю производства въ большихъ городахъ: возможность имѣть подъ рукою всѣ сырые матерiалы, удобства въ сбытѣ издѣлiй, многочисленность рабочихъ, облегчающая расширенiе промышленности—вотъ условiя, которыя дѣлаютъ большiе города выгодными мѣстами для развитiя и многихъ крупныхъ промышленныхъ заведенiй.—

Если, наконецъ, изобрѣтательность, какъ всякое свойство человѣческаго духа, не связана со временемъ и мѣстомъ, если промышленное изобрѣтенiе, какъ великая научная мысль или чудный художественный образъ, можетъ явиться на свѣтъ въ глуши вологодскихъ лѣсовъ или сѣренькомъ уѣздномъ городѣ, то лишь въ большомъ городѣ оно можетъ осуществиться въ широкихъ размѣрахъ и увеличить удобства жизни. Древнiй Римъ даетъ намъ превосходные водопроводы и стоки для нечистотъ, эти образцы инженернаго искусства древности. Только самые большiе города нашего времени имѣютъ

канализацію, стоящую на высотѣ уровня технических знаній. Сомнительно, чтобы сила электричества, которая обѣщаетъ людямъ такъ много хозяйственныхъ успѣховъ, могла быть примѣняема гдѣ-либо въ столь большихъ размѣрахъ и съ такою пользою для дѣла, какъ въ большихъ городахъ Европы и Америки. Въ то время какъ многія тысячи ремесленниковъ Парижа и Берлина уже давно пользуются силою пара, доставляемой имъ мелкими долями отъ одного центральнаго двигателя, и тѣмъ облегчаютъ свой трудъ, нужны цѣлыя поколѣнія, чтобы эти выгодныя условія работы распространились и на менѣе значительные центры. Какъ богатый человѣкъ одѣвается по модѣ, часто неизвѣстной бѣдному даже въ очертаніяхъ, такъ промышленность большихъ городовъ и домашняя жизнь горожанъ [7]) быстро усвоиваютъ новѣйшіе успѣхи технологіи, долго остающіеся неизвѣстными, а тѣмъ болѣе неприменяемыми внѣ крупныхъ средоточій. Такимъ образомъ, разнообразіе населенія, различія въ имущественныхъ средствахъ, потребностяхъ, вкусахъ порождаютъ крайне богатое содержаніе матеріальной жизни и содѣйствуютъ быстрому ея усовершенствованію.

Среди историковъ господствуетъ убѣжденіе,

что рабство необходимо должно было стоять у колыбели цивилизаціи, что только подъ условіемъ упорнаго и исключительно матеріальнаго труда большинства людей, обезпеченное меньшинство могло имѣть досугъ, для упражненія и развитія ума, для пріобрѣтенія знаній. Что-же, какъ не большіе города, представляетъ наиболѣе условій для успѣховъ знанія? Многочисленные богатые классы не могутъ удовлетворить себя и наполнить весь свой досугъ исключительной погоней за удобствами матеріальной жизни. Притупленіе духа должно достигнуть крайнихъ предѣловъ, чтобы человѣкъ утратилъ всякое желаніе познать внѣшнюю природу, самого себя и другихъ людей. Самое служеніе матеріальному благополучію невозможно безъ заботы объ изяществѣ и красотѣ формы предметовъ, которые служатъ наиболѣе обыденнымъ потребностямъ. Какъ самыя возвышенныя чувства,—влеченіе къ Богу—такъ и самыя недостойныя страсти—чревоугодіе, сластолюбіе,—требуютъ, для полноты удовлетворенія, созданія художественныхъ образовъ, способныхъ идеализировать то, къ чему стремятся тѣло и духъ. Большіе города, предъявляя огромный запросъ на все, что творятъ научная мысль и художественное дарованіе, и слу-

жатъ главными расcадниками науки и искусства. Аѳины, Коринѳъ, Сиракузы были средоточiями эллинской образованности. Съ этими главными центрами государственной жизни Грецiи связаны самые важные успѣхи древнихъ въ философiи и математикѣ, музыкѣ и ораторскомъ искусствѣ; здѣсь возникали и находили себѣ цѣнителей лучшiя произведенiя зодчества, ваянiя и живописи. Римъ, привлекая лучшiя научныя и художественныя силы своего времени, сосредоточивалъ въ себѣ всѣ высшiе образы, въ которыхъ воплощалась древняя цивилизацiя. Дворцы вельможъ были собранiями книгъ, статуй и другихъ произведенiй искусства. Площади и общественные сады были наполнены памятниками, вышедшими изъ рукъ первоклассныхъ художниковъ. Частныя и общественныя зданiя, термы, театры, дворцы, даже теперь, въ развалинахъ, и своими размѣрами, и красотой плѣняютъ воображенiе путешественниковъ. Всякiй, обладавшiй даромъ слова, спѣшилъ въ столицу мiра, чтобы заставить слушать себя, вызывать во многихъ тысячахъ интересъ къ политикѣ, блистать въ адвокатурѣ или обучать наукамъ. Здѣсь, именно здѣсь, языкъ, этотъ величайшiй даръ человѣка и самое могущественное его орудiе, по-

лучилъ наиболѣе совершенную обработку. Богачъ древности не удовлетворялся тѣмъ, что рабы безропотно исполняли его прихоти и подобострастно служили его низкимъ страстямъ: онъ хотѣлъ видѣть среди нихъ и чтецовъ, и музыкантовъ, и ученыхъ, и ораторовъ. И многiе великiе умы и таланты, сохранившiе свое имя до отдаленнаго потомства, были рабами и вольноотпущенниками, сдѣлали свой вкладъ въ запасъ знанiй человѣчества подъ влiянiемъ своихъ господъ, испорченныхъ, но просвѣщенныхъ, изнѣженныхъ и праздныхъ, но съ тонкимъ чутьмъ въ наукѣ и художествѣ [8]). Если въ этихъ немногихъ словахъ мы припоминаемъ лишь то, что почти каждому извѣстно о древности, если, ссылаясь на Новгородъ и Кiевъ, какъ главныя хранилища древнерусской грамотности, науки и искусства, мы указываемъ всѣмъ знакомые факты, то не заслужимъ ли упрека въ сообщенiи слишкомъ избитыхъ вещей, когда обратимъ вниманiе на современные мiровые центры? Кто не знаетъ высоты, разнообразiя и распространенности научныхъ знанiй, которыя отличаютъ большiе города европейско-американскаго мiра? Кто не слыхалъ объ обширныхъ университетахъ, аудиторiи которыхъ вмѣщаютъ сотни юношей, обучающихся у луч-

шихъ представителей современной науки, о громадныхъ библіотекахъ, минералогическихъ, зоологическихъ, физическихъ кабинетахъ, клиникахъ, музеяхъ, которые служатъ такими важными пособіями для образованія? Кому неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ, высокое качество и разнообразіе художественныхъ наслажденій, которыя даютъ современныя столицы въ своихъ театрахъ, музыкальныхъ и другихъ собраніяхъ? Новое время представляетъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ много выгодныхъ сторонъ, вовсе незнакомыхъ древности. Порабощеніе огромныхъ массъ и презрѣніе богатыхъ и правящихъ классовъ въ свободнымъ людямъ, занимавшимся матеріальнымъ трудомъ, заставляли относиться невнимательно къ ихъ духовнымъ потребностямъ, да таковыя, по воззрѣнію того времени,[1] и не могли быть присущи простому человѣку. Юридическая свобода и равноправность всѣхъ гражданъ, лежащія въ основѣ современнаго общества, заставляютъ заботиться о томъ, чтобы было обезпечено удовлетвореніе этихъ потребностей и бѣднѣйшимъ классамъ населенія. И въ этомъ отношеніи большіе города шествуютъ во главѣ общественнаго прогресса. Извѣстно, какъ велики въ нѣкоторыхъ странахъ расходы на низшія школы

и какой дворцеобразный видъ имѣютъ многія начальныя училища въ большихъ городахъ Европы и Америки. То же замѣчаемъ мы и въ нашемъ отечествѣ; въ то время, какъ въ Россіи вообще грамотность развита весьма мало, послѣднія переписи обнаружили, что въ Москвѣ безграмотные составляютъ только $^1/_2$ населенія, а въ С.-Петербургѣ — $^2/_5$. На ряду со стремленіемъ удовлетворить умственныя потребности бѣднѣйшихъ классовъ распространеніемъ начальныхъ училищъ, только въ большихъ городахъ въ широкихъ размѣрахъ создаются учрежденія, дабы восполнить пробѣлы въ образованіи и людей взрослыхъ, которымъ главныя занятія оставляютъ мало досуга, а уровень развитія дѣлаетъ самообразованіе трудно доступнымъ: этимъ цѣлямъ служатъ вечерніе и воскресные классы, чтенія съ картинами, народные театры и другія увеселенія. Мы оставили-бы важный пробѣлъ, если-бы опустили вліяніе современной печати на умственное развитіе большаго города. Хотя послѣдняя, по своей распространенности, многочисленности и разнообразію изданій, и по возрастающему вліянію, есть отличительный признакъ новѣйшей жизни вообще, однако, можно утверждать, что только наличность большихъ городовъ да-

етъ благодарную почву для развитія печати. Въ милліонныхъ центрахъ, при крайнемъ разнообразіи въ составѣ населенія, можетъ выработаться и получить опредѣленное общественное положеніе чистый типъ публициста. Достаточное общее образованіе, хотя безъ глубокихъ спеціальныхъ познаній, наблюдательность, способность много и быстро работать, умѣнье сжато и изящно излагать то, что даютъ изо дня въ день наблюдаемая жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и плоды упорной научной работы—вотъ отличительныя качества публициста. Только городъ, и притомъ большой городъ, съ его разнообразіемъ общественныхъ слоевъ, обезпеченности, занятій, вкусовъ, съ его привычкой не видѣть диковинки въ любомъ промыслѣ можетъ способствовать выработкѣ чистаго типа публициста; только большой городъ понимаетъ, что „литераторъ" есть представитель такой-же необходимой общественной группы, какъ торговецъ, учитель, чиновникъ, ремесленникъ. Если большой городъ наилучшимъ образомъ выработываетъ этотъ типъ и даетъ ему въ своей средѣ опредѣленное мѣсто и почетное положеніе, то онъ же предъявляетъ разнообразные запросы на его труды: онъ требуетъ, чтобы изо дня въ день удовле-

творялась его любознательность; чтобы, памятуя изреченіе древности „я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо", повременная печать доставляла ему свѣдѣнія и о ничтожныхъ происшествіяхъ, — карманныхъ кражахъ — и высшихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики, балѣ, раутѣ у X, нарядахъ г-жи NN и новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ въ области науки, художества и промышленности. Отвѣчая на различные запросы, на всѣ разновидные оттѣнки, которые получаетъ любознательность, печать пріобрѣтаетъ все большее вліяніе на движеніе общественной жизни, и въ большихъ городахъ это вліяніе обнаруживается особенно выпукло: всѣмъ извѣстно, что лондонскіе или парижскіе извозчики читаютъ газеты въ ожиданіи сѣдоковъ. Вліяніе печати идетъ двумя путями. Во-первыхъ, оно выражается въ доставленіи знаній тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ ни времени, ни досуга почерпать ихъ изъ непосредственныхъ источниковъ. Многіе-ли изъ людей, не получившихъ довольно высокаго образованія, могутъ почерпнуть новыя знанія изъ трудовъ Костомарова, Ранке, Менделѣева, Гельмгольца, Пастера? Многіе-ли могутъ изъ первоначальныхъ источниковъ узнать новости по физикѣ, химіи, механикѣ, гигіенѣ, исторіи,

правовѣдѣнію? Для громаднаго большинства остается одинъ путь—чтеніе газетъ, популяризующихъ новѣйшія данныя науки и искусства. Какъ ни отрывочны свѣдѣнія, добываемыя этимъ способомъ, какъ ни часто получаютъ они невѣрное толкованіе читающаго—путь этотъ важенъ, такъ какъ только онъ хотя немного приводитъ огромныя массы въ соприкосновеніе съ успѣхами духовной жизни.—Но печать оказываетъ и другое вліяніе: въ человѣкѣ среднемъ, не воспитавшемъ въ себѣ любви къ непрерывной духовной дѣятельности, она поддерживаетъ любознательность, отзывчивость на такіе интересы, которые, выходя изъ круга обычныхъ заботъ и волненій, легко могутъ глохнуть и даже умирать. А главные изъ этихъ интересовъ касаются формъ общественной жизни, способовъ улучшить общественный бытъ, чему такъ усердно и съ такою пользою служитъ повременная печать.

Бьющая полнымъ ключемъ жизнь большаго города, поддерживаемая и обогащаемая непрерывными успѣхами науки, украшаемая искусствомъ, затрогивающая, посредствомъ ежедневной печати, даже мало развитые слои населенія, дѣлаетъ большіе города центрами, откуда распространяются какъ частичныя, мелочныя, такъ и крупныя улучшенія общественнаго строя. Каждая новая идея, направленная на усовершенствованіе общественнаго порядка, получаетъ здѣсь быстрое распространеніе; ее подробно разработываютъ ученыя общества; повременная печать разноситъ ее по глухимъ переулкамъ и отдаленнымъ кварталамъ; многолюдныя собранія, частныя и общественныя, содѣйствуютъ ея освѣщенію и для малоразвитыхъ гражданъ. Здѣсь, при разнородности населенія, находитъ себѣ сторонниковъ каждое начинаніе, требующее и много денегъ, и много знанія, и много твердости. Припомнимъ роль, которую играли средневѣковые города для охраненія народныхъ вольностей, ослабленія вассальнаго дворянства и постепеннаго упраздненія крѣпостнаго права. Перенесемся за 100 лѣтъ назадъ въ Парижъ, и тогда считавшійся столицей міра; перечитаемъ исторію его салоновъ, соединявшихъ въ одно цѣлое величайшіе умы и распространявшихъ свѣтъ новыхъ идей на все государство; припомнимъ его энциклопедистовъ, его клубы—и мы поймемъ, что движеніе, которое пересоздало Францію, могло начаться и развиться только въ Парижѣ. Величайшій памятникъ русскаго законодательства—освобожденіе крестьянъ—подготов-

влялся литературнымъ движеніемъ Москвы и Петербурга, славянофиловъ и западниковъ, въ кружкахъ немноголюдныхъ, но богатыхъ знаніемъ и гуманностью, которые постепенно возбуждали и въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи любовь къ лучшему, тогда, казалось, недосягаемому будущему. Воспроизведемъ въ своемъ воображеніи тотъ памятный въ исторіи нашего отечества годъ, когда, одолѣваемое внѣшними врагами и ослабляемое внутренними междоусобіями, оно должно было, казалось, утратить свою политическую самобытность—годъ 1612. Козьма Мининъ, ставшій во главѣ великаго освободительнаго движенія, былъ сыномъ города и, для того времени, города большаго. И до сихъ поръ, новыя и великія идеи, гдѣ-бы онѣ ни зарождались, всего ранѣе крѣпнутъ въ большихъ городахъ и уже изъ нихъ распространяются въ мелкіе центры: самый важный и самый трудный шагъ въ борьбѣ женщинъ за ихъ равноправность съ мужчинами—пріобрѣтеніе равноправности политической—имѣетъ самыхъ даровитыхъ, убѣжденныхъ и настойчивыхъ сторонниковъ въ большихъ городахъ Европы и Сѣверной Америки.

Наконецъ, большіе города представляютъ самую плодородную почву для воспитанія высшихъ свойствъ человѣческой души, самой горячей и дѣятельной любви къ человѣчеству и даже всему живому. Не познанъ еще тотъ порядокъ, въ которомъ природа расточаетъ самые цѣнные дары свои. Нельзя утверждать, чтобы въ одномъ мѣстѣ люди имѣли больше зародышей добродѣтели, чѣмъ въ другомъ. Мы полагаемъ, что среднія добродѣтели распространены въ деревнѣ больше, нежели въ городѣ. Но тотъ, въ кого вложены сѣмена высшей гуманности, кто не заглушилъ ихъ соблазнами и суетой городской жизни, тотъ можетъ развить ихъ въ большомъ городѣ до самаго пышнаго расцвѣта. Много горя, много слезъ, много несчастій въ деревнѣ; но тамъ все это горе и не представляется въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, и не поражаетъ ежедневно глазъ все новыми и еще неизвѣстными оттѣнками. Большой городъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ несчастій можетъ вызывать въ человѣческой душѣ, жаждущей нести слово утѣшенія, все новыя и новыя впечатлѣнія. Здѣсь привлекаетъ вниманіе масса бѣднаго люда, въ полномъ цвѣтѣ силъ, не имѣющая работы и не знающая, гдѣ преклонить голову; тамъ—дѣвушка съ младенцемъ на рукахъ, увлеченная развратнымъ соблазнителемъ и брошенная имъ въ добычу голоду или

на путь порока; нынче вызываетъ состраданіе старикъ-музыкантъ, нѣкогда имѣвшій общественное положеніе и достатокъ, а теперь спившійся съ круга и развлекающій игрой своей только посѣтителей грязныхъ увеселительныхъ мѣстъ; завтра—тяжелое чувство охватываетъ душу, при видѣ юноши, полнаго надеждъ, угасающаго на чердакѣ въ тѣсной комнаткѣ отъ непосильныхъ трудовъ и лишеній; а послѣ завтра тронетъ, и особенно глубоко тронетъ, видъ малютокъ, брошенныхъ распутнымъ отцемъ и потерявшихъ единственную кормилицу—мать. Всѣ эти картины скорби не трогаютъ души, проникнутой себялюбіемъ; но тотъ, кто чутко отзывается на горе, будетъ на этомъ воспитывать и развивать свое чувство, возвышаясь до величайшей добродѣтели. Какъ гастрономъ изощряетъ свой вкусъ частыми перемѣнами разнообразныхъ яствъ, такъ душа, склонная къ добру, становится тѣмъ болѣе воспріимчива, тѣмъ менѣе способна застыть и охладѣть къ страданіямъ ближнихъ, чѣмъ болѣе разнообразны скорби, которыя она наблюдаетъ.

Если-бы все вліяніе большихъ городовъ сводилось къ доставленію наибольшихъ удобствъ матеріальной жизни, къ быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и возможности воспитывать въ немногихъ, но лучшихъ людяхъ высшую добродѣтель, то можно было-бы закончить такимъ апоѳеозомъ: „ростите, большіе города, доводите свое населеніе до десятковъ милліоновъ, привлекайте къ себѣ больше силъ со всѣхъ концевъ страны, ибо ваше процвѣтаніе служитъ вѣрнымъ залогомъ успѣховъ того, чѣмъ особенно дорожитъ человѣчество“.

Посмотримъ, однако, на оборотную сторону медали.

III.

Большіе города, имѣющіе столь великую притягательную силу для разныхъ слоевъ населенія, возрастаютъ такъ быстро, что огромныя массы горожанъ не могутъ удовлетворить свою потребность въ жилищѣ согласно съ начальными требованіями гигіены. Хотя сооруженіе новыхъ зданій и стремится отвѣтить на запросъ, однако, постройка домовъ идетъ медленнѣе, чѣмъ нужда въ нихъ. По вычисленіямъ извѣстнаго прусскаго статистика Энгеля, въ 70-хъ годахъ, когда дома строились въ Берлинѣ особенно усердно, было выстроено на 105 домовъ меньше, чѣмъ то требовалось соразмѣрно съ приростомъ населенія. На ряду съ этимъ

мы встрѣчаемъ, повидимому, противоположный фактъ: въ 1881 году въ Берлинѣ 20671 квартира была пуста. Въ 1883 году на 1000 квартиръ 33,9 стояли пустыми [9]). Этотъ фактъ, точно наблюденный новѣйшими статистическими переписями, всего лучше доказываетъ, насколько трудно для массы городскаго населенія удовлетворить ея потребность въ жилищѣ. Причина этому одна: крайняя дороговизна жилищъ и отсюда необходимость для мало обезпеченнаго человѣка довольствоваться самымъ жалкимъ, часто отвратительнымъ помѣщеніемъ. Какъ современные города, такъ и большіе центры древности представляютъ въ этомъ отношеніи поразительное сходство. Площадь, на которой можетъ распространяться городъ, ограничена уже необходимостью для большинства населенія быть ближе къ городскому центру, гдѣ сосредоточиваются общественныя учрежденія, гдѣ совершаются главные торговые обороты. Въ прежнее время крѣпостныя стѣны, окружавшія городъ, служили преградой для его расширенія; теперь, по срытіи стѣнъ и проведеніи въ городахъ удобныхъ путей сообщенія, горожане могутъ разселяться на большую площадь, но невыгодность жить слишкомъ далеко отъ городскаго центра содѣйствуетъ ихъ скученію. Это скученіе поднимаетъ цѣну земли до чрезвычайной высоты, до сотенъ и тысячъ рублей за квадратную сажень. Высокая цѣна земли, связанная уже со всѣмъ характеромъ городской жизни, еще болѣе даетъ себя чувствовать потому, что богатые классы занимаютъ обширные дома, часто съ садами, и заставляютъ другихъ горожанъ извлекать наибольшую выгоду изъ каждаго вершка земли, который остается въ ихъ распоряженіи. До насъ дошли свѣдѣнія объ огромныхъ домахъ древняго Рима, которые заключали внутри дворовъ своихъ обширные сады, виноградники, пруды и даже парки [10]). Теперь отдѣльныя городскія усадьбы не достигаютъ такихъ размѣровъ, однако, каждый, знакомый съ большими городами новѣйшаго типа, знаетъ, что дома богатыхъ людей занимаютъ очень обширныя площади, которыя съ удобствомъ могли-бы служить для размѣщенія 10—20 и болѣе семей [11]). Въ еще большей степени содѣйствуетъ вздорожанію земли спекулятивная дѣятельность, направленная на скупку городскихъ участковъ. Какъ вообще спекуляція тѣмъ успѣшнѣе ведетъ къ повышенію цѣны товара, чѣмъ болѣе онъ нуженъ для потребителей, такъ вѣрно достигаетъ она цѣли и относительно земель-

ныхъ участковъ: земля, необходимая для городскаго населенія, ограничена, и чѣмъ быстрѣе ростетъ городъ, тѣмъ легче установляются на землю его высокія монопольныя цѣны. Вотъ почему денежный капиталъ уже издавна направляется на скупку городскихъ участковъ. Скупщики не торопятся застроивать ихъ, зная, что каждый лишній годъ, проведенный въ терпѣливомъ ожиданіи, принесетъ крупные проценты на затраченный капиталъ. Спекуляція этого рода была извѣстна еще древности: Крассъ, блестящій первообразъ спекулянта, скупалъ въ Римѣ участки послѣ пожаровъ и постепенно пріобрѣлъ въ собственность чуть не половину столицы [12]). Этотъ же промыселъ знакомъ и всѣмъ новымъ большимъ городамъ. Когда Германія, обогащенная французскими милліардами, стала усиленно развивать разныя отрасли промышленности и торговли, то огромные капиталы были затрачены на скупку участковъ въ большихъ городахъ. Особенно сильна была спекуляція въ Берлинѣ: компаніи скупали огромныя площади земли во всѣхъ концахъ, куда распространялся городъ и спокойно выжидали со своимъ товаромъ дальнѣйшаго роста населенія.

Если состоятельные люди, живя въ наемныхъ квартирахъ, чувствуютъ деспотизмъ домовладѣльцевъ, если и для нихъ не всегда легки непроизводительные расходы [13]), вызываемые частой перемѣной жилищъ, то каково-же положеніе большинства городскихъ жителей? Дороговизна земли и связанная съ нею дороговизна квартиръ заставляютъ пользоваться каждымъ вершкомъ въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ не живутъ самые богатые и притязательные классы. Садъ при домахъ, предназначенныхъ для такихъ жильцевъ, считается неслыханной роскошью; свѣтлый дворъ, знакомый обитателямъ провинціи, замѣняется темнымъ четыреугольнымъ желобомъ; размѣры комнатъ уменьшаются до предѣловъ клѣтокъ, и высота домовъ достигаетъ 6—8—10 этажей [14]). Но счастливъ тотъ, кто можетъ пользоваться и такимъ жилищемъ; и это предполагаетъ уже значительную обезпеченность. Огромная масса должна жить подъ крышей, или—что еще хуже—въ подвалахъ подъ землей. Подвальныя жилища, извѣстныя и древнимъ городамъ, особенно Риму [15]), составляютъ уже давно тотъ пунктъ, на который ополчаются экономисты и филантропы. Кто не читалъ переписей современныхъ большихъ городовъ, кто не изучалъ голыхъ, сухихъ, но выразительныхъ цифръ статистики,

тотъ не можетъ составить себѣ даже слабое понятіе о многочисленности людей, которые должны довольствоваться этимъ помѣщеніемъ. Въ 1875 г. на все берлинское населеніе, не достигавшее 1 милліона, въ подвалахъ жило около 120000 человѣкъ, изъ нихъ 90000 въ подвалахъ, которые были признаны безусловно вредными для здоровья. Перепись Берлина въ 1885 году опредѣляетъ число подвальныхъ жильцевъ цифрою болѣе 100000. Сходныя же данныя представляютъ и многіе другіе города Германіи 15 а). Не въ лучшихъ условіяхъ находятся и наши столицы. По послѣдней переписи Москвы, въ подвалахъ жило около 59000. Болѣе 500 подвальныхъ помѣщеній имѣли въ глубину 3 арш. и болѣе. Въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ градоначальства за 1884 годъ, число бѣдныхъ квартиръ, разбитыхъ на углы, превышало 13500, а подвальныхъ жилищъ—9380 съ населеніемъ въ 68272 человѣка,—7,9% всѣхъ жителей столицы. Какова-же обстановка этихъ помѣщеній? Огромная литература по вопросу о жилищахъ представляетъ длинный рядъ самыхъ мрачныхъ картинъ, которыя не могутъ быть, во всей полнотѣ, выражены цифрами статистики. Всѣ эти картины оставляютъ одно впечатлѣніе: холод-

но, темно, сыро, грязно. Въ Парижѣ за послѣдніе годы насчитывалось около 47000 квартиръ, занимаемыхъ бѣдными. По другимъ свѣдѣніямъ, въ Парижѣ болѣе 300000 душъ имѣютъ крайне дурное жилище 15 б). Парижскій врачъ Маржолэнъ, посѣтившій очень многія изъ этихъ жилищъ, рисуетъ такую картину. „Слѣдуетъ проникнуть туда въ ту минуту, когда ихъ оставляетъ одинъ изъ обитателей, которымъ трудно платить за жилище $1^1/_4$ фр. въ недѣлю. Часто новый жилецъ, такой-же нищій, какъ его предшественникъ, находитъ въ квартирѣ бумагу вмѣсто разбитыхъ стеколъ... Отъ камина и печки часто остаются только развалины. Половицы вышиблены изъ своихъ мѣстъ, засыпанныхъ обломками и всякой дрянью. Обои такъ грязны и изорваны, что трудно сказать, откуда они ведутъ свое начало; трудно различить ихъ цвѣтъ, но кровяныя пятна свидѣтельствуютъ, что каждую ночь происходятъ битвы съ крайне непріятными гостями. Таково жилье, которое, бывъ оставлено однимъ семействомъ, даетъ пріютъ другому, не менѣе несчастному“ [16]). Вполнѣ сходное описаніе петербургскихъ подвальныхъ жилищъ мы находимъ въ отчетѣ петербургскихъ врачей, назначенныхъ думой для оказанія бѣднымъ меди-

цинской помощи [17]). Одинъ изъ врачей—г-жа Мерцалова-Роговская—такъ описываетъ одну изъ подобныхъ квартиръ. „Темный нежилой корридоръ велъ въ совершенно темную, узкую, довольно длинную и низенькую комнату. Въ этой комнатѣ широкая печь отдѣляла небольшое пространство, гдѣ, какъ въ могильномъ склепѣ, втиснута была кровать и, что-бы подойдти къ больной, нужно было протискиваться въ оставшемся узенькомъ проходѣ. Маленькая жестяная лампочка, коптящая день и ночь, освѣщала это пространство. Воздухъ былъ спертъ и удушливъ; провѣтривать нельзя было, такъ какъ дверь изъ комнаты выходила въ темный, длинный и закрытый корридоръ". Женщина—врачъ признается, что она не могла быть здѣсь безъ дурноты и 10 минутъ. Другая женщина—врачъ даетъ описаніе одной такой квартиры, раздѣленной на углы, которая принадлежитъ къ лучшимъ. Каждая комната такой квартиры разбита на части; въ одномъ углу помѣщается хозяйка съ мужемъ и деверьями, въ другомъ—семья, у которой есть ребенокъ, больной натуральной оспой; на полатяхъ подъ потолкомъ ночуютъ пильщики, каменьщики и другіе поденщики; рядомъ—фабричные парни, дѣвушки [18]).

Но и подвальныя помѣщенія, занимаемыя отдѣльной семьей, являются для многихъ тысячъ роскошью. Между этими жилищами и небеснымъ сводомъ, который каждую ночь служитъ кровомъ для тѣхъ, кто не имѣетъ совсѣмъ гдѣ преклонить голову, стоятъ ночлежные дома. Не одни, знающіе нужду съ ранняго дѣтства, отогрѣваютъ въ этихъ пріютахъ свои продрогшіе члены: рядомъ съ бѣдняками, всю жизнь не скидавшими рубища, туда нерѣдко спѣшитъ на ночлегъ и тотъ, кому долгіе годы улыбались и почести, и роскошь, и наслажденія жизни, кто приведенъ туда несчастьемъ, порокомъ или преступленіемъ. Эти дома, описанные первоклассными беллетристами, представляютъ столь ужасную картину, что только самъ, видѣвшій ее, пойметъ тяжелое чувство, охватившее гр. Л. Н. Толстаго, при посѣщеніи московскихъ ночлежныхъ домовъ. Вотъ что говоритъ онъ: „Всѣ квартиры были полны, всѣ койки заняты и не однимъ, а часто двумя. Ужасно было зрѣлище по тѣснотѣ, въ которой жался этотъ народъ, и по смѣшенію женщинъ съ мужчинами... Ужасно было зрѣлище по нищетѣ, грязи, оборванности и испуганности этого народа. И, главное, ужасно по тому огромному количеству людей,

которые были въ этомъ положеніи... И вездѣ тотъ же смрадъ, та-же духота, тѣснота, то же смѣшеніе половъ, тѣ-же пьяные до одуренія мужчины и женщины и тотъ же испугъ, покорность и виновность на всѣхъ лицахъ" [19]). Великій писатель, близко знакомый съ бѣдностью деревни, былъ пораженъ этой нищетой и испорченностью большаго города, которыя предстали предъ нимъ въ такихъ размѣрахъ, и выразилъ скорбь своей души въ нѣсколькихъ очеркахъ, проникнутыхъ сильной мыслью и самой горячей человѣчностью [20]).

Легче увидѣть, какъ живетъ человѣкъ, нежели узнать, что онъ ѣстъ: и свѣдѣнія наши о томъ, чѣмъ питаются бѣдные классы городскаго населенія, гораздо болѣе скудны, нежели данныя о ихъ жилищахъ. Не проходитъ года, что-бы газеты не приносили намъ изъ разныхъ концовъ Россіи извѣстій о крайней нуждѣ, почти голодѣ, во многихъ и многихъ деревняхъ. Здѣсь неурожай заставляетъ примѣшивать ко ржаной мукѣ лебеду, тамъ—древесную кору; въ разныя земскія управы доставляются отъ времени до времени образцы хлѣба, потребляемаго крестьянами, который болѣе похожъ на торфъ или навозъ, чѣмъ на хлѣбъ. Стоитъ-ли, въ виду этихъ фактовъ, говорить о дурной пищѣ бѣдныхъ классовъ города? Стоитъ именно потому, что большіе города выработали особенные способы удовлетворенія потребности въ пищѣ, неизвѣстные деревнѣ и даже мелкимъ городскимъ центрамъ. Выпалъ средній урожай, есть кое-какой сторонній заработокъ,—и крестьянинъ имѣетъ хотя суровую, грубую, но здоровую пищу, которая приготовляется въ его семьѣ. Неурожай заставляетъ обращаться къ подмѣсямъ. Въ городѣ-же огромная масса населенія, даже съ доходомъ, далеко превосходящимъ доходъ достаточной крестьянской семьи, принуждена жить впроголодь или питаться самыми непривлекательными подмѣсями. Подмѣси вводятся въ немаломъ количествѣ въ желудки и состоятельныхъ людей: стоитъ вспомнить, какимъ подделкамъ подвергается вино, особенно послѣ опустошеній, причиненныхъ виноградникамъ филоксерою за послѣдніе 8—10 лѣтъ, или о 15 частяхъ гуано, которыя примѣшиваетъ къ каждымъ 100 частямъ шоколада одна обширная лондонская фабрика. Но это—небольшая бѣда: можно не пить вина и не ѣсть шоколада Бѣда въ томъ, что поддѣлкѣ подвергаются такіе предметы потребленія, которые или важны для питанія сами по себѣ или получили всеобщее

распространеніе, и особенно въ большихъ городахъ, въ силу склада нервной системы нашего вѣка. Молоко безъ подмѣсей и хорошее масло доступны только богатымъ горожанамъ; американцы находятъ выгоднымъ поддѣлывать яйца; въ Лондонѣ есть булочныя двухъ разрядовъ: въ однѣхъ пекутъ хлѣбъ изъ чистой муки; другія подмѣшиваютъ въ муку известь, опилки и продаютъ за половинную цѣну сравнительно съ первыми. Въ послѣдніе годы стало извѣстно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ производится поддѣлка чая. Москва служитъ главнымъ центромъ этого благороднаго промысла, переработывая и пуская въ продажу спитой чай, смѣшанный съ разными травами. Внѣ большихъ городовъ поддѣлка этихъ предметовъ не выгодна или потому, что продукты подвозятся изъ ближайшей мѣстности и стоютъ гораздо дешевле, или потому, что меньшая дороговизна жизни, особенно жилищъ, уменьшаетъ число лицъ, которыя должны сокращать расходы на пищу до вреда для здоровья. Въ милліонномъ городѣ, гдѣ $^{1}/_{10}$ часть населенія живетъ въ подвалахъ и послѣдній бѣднякъ долженъ затрачивать только на ночлегъ 20—25 рублей въ годъ [21]), поддѣланные товары находятъ огромный кругъ потребите-

лей. Но большой городъ идетъ и дальше этого: онъ дастъ намъ картины, предъ которыми слабѣетъ впечатлѣніе, производимое хлѣбомъ изъ муки и древесной коры: одинъ французскій писатель, изслѣдовавшій жизнь бѣдныхъ Парижа, видѣлъ, какъ тряпичница выбирала изъ тряпокъ и сора, собранныхъ по дворамъ, кости и ѣла соскобленное съ нихъ мясо [22]).

Если такъ удовлетворяются двѣ главныя потребности—въ пищѣ и жилищѣ,—то, проходя мимо другихъ нуждъ, мы можемъ спросить, чѣмъ же объясняется эта бѣдность въ большихъ городахъ, гдѣ сосредоточиваются столь огромныя богатства и гдѣ частная благотворительность и общественное призрѣніе дѣлаютъ больше, нежели въ мелкихъ центрахъ?

Помимо общихъ причинъ современнаго пауперизма, лежащихъ въ распредѣленіи имуществъ и связанныхъ съ нимъ строѣ и направленіи производства, большіе города таятъ особую причину въ той притягательной силѣ, которую они имѣютъ для разныхъ слоевъ населенія. Массы людей, не прикрѣпленныхъ занятіями, недвижимымъ имуществомъ или идеальной привязанностью къ деревнѣ или небольшому городу, взираютъ на столицу, какъ источникъ своего благополучія. Только тамъ, гдѣ

такъ великъ запросъ на всѣ виды труда, гдѣ такъ обширно поприще для проявленія разныхъ способностей, ремесленныхъ, торговыхъ, научныхъ, художественныхъ, административныхъ, только тамъ и надѣются многіе пріобрѣсти условія для своего счастія. Къ надеждамъ на вѣрный и значительный заработокъ присоединяется и картина разнообразной матеріальной и духовной жизни, которую даетъ только большой городъ. Огромныя толпы рабочаго люда оставляютъ свои сѣрыя деревни, укладываютъ въ котомки свои скудные пожитки и стремятся къ этому надежному „кормильцу“. Многочисленная молодежь торговаго класса спѣшитъ туда искать мѣстъ приказчиковъ, лавочниковъ, конторщиковъ. Юноши, принадлежащіе, по мѣсту рожденія, разнымъ концамъ страны, подготовивъ себя въ чиновники, учителя, врачи, литераторы, адвокаты, упорно отказываются отъ выгодныхъ и почетныхъ мѣстъ въ провинціи и живутъ впроголодь, ожидая феи съ волшебнымъ жезломъ, которая съ одного удара дастъ имъ все, что носится въ ихъ воображеніи. Чиновники, занимающіе видные посты въ небольшихъ городахъ, жаждутъ служить въ столицѣ, хотя бы пришлось совершенно потонуть и перестать быть замѣтнымъ въ этой ог-

ромной блестящей толпѣ. Многія надежды разбиваются въ прахъ, и предложеніе труда всѣхъ видовъ всегда, изъ года въ годъ гораздо больше запроса. Всякій, живавшій въ большихъ городахъ, знаетъ, что тамъ огромный избытокъ физическихъ силъ и масса такъ называемаго умственнаго пролетаріата. Нигдѣ нѣтъ такъ много, какъ въ большихъ городахъ, людей научнаго, педагогическаго, медицинскаго, художественнаго труда, принужденныхъ перебиваться изо дня въ день, что-бы скудно покрывать настоятельныя нужды.—Къ этому постоянному избытку всѣхъ видовъ труда присоединяется часто временная острая безработица. Большой городъ не производитъ главныхъ предметовъ для жизни. Состояніе деревни, обиліе или скудость урожая разныхъ сырыхъ матеріаловъ имѣютъ вліяніе на всю обработывающую промышленность страны, но въ большихъ городахъ открывается для этого вліянія особенно широкій просторъ. Стоитъ фабрикамъ и заводамъ большихъ городовъ уменьшить только на $^1/_{10}$ число своихъ рабочихъ, и бѣдное населеніе увеличивается многими тысячами. Стоитъ горожанамъ средняго достатка, вслѣдствіе вздорожанія какихъ нибудь важныхъ предметовъ, уменьшить число прислугъ—и опять по-

лучаютъ крупный прирость ряды нуждающихся. Уменьшеніе числа свѣтскихъ удовольствій, баловъ, обѣдовъ, обыкновенно сопровождающее хозяйственные кризисы, отражается на заработкахъ многихъ парикмахеровъ, швей, поваровъ, извозчиковъ, музыкантовъ и т. п.

Какъ же велико число этихъ бѣдныхъ? Самыя точныя переписи не даютъ намъ отвѣта. Если за 1883 годъ въ Парижѣ считалось 123324 человѣка, пользовавшихся помощью благотворительныхъ обществъ, если отчетъ объ оказанныхъ имъ пособіяхъ говоритъ, что среди нихъ были люди всѣхъ занятій, были такіе, которыхъ „не могла прокормить литература, преподаваніе, искусство и т. п.“, если для Петербурга пользовавшіеся благотворительностью въ 1884 году опредѣляются цифрою въ 252000, то эти цифры далеко не выражаютъ всего числа нуждающихся: какъ много сотенъ тысячъ, имѣя скудный заработокъ, претерпѣваютъ разноообразныя лишенія и не обращаются къ помощи благотворителей.

Эти причины постоянной и острой безработицы дѣлаютъ для огромной массы горожанъ невозможнымъ бороться съ невыгодами жизни въ большомъ городѣ. Смиренно подчиняясь тяжелой долѣ, большинство этихъ людей безропотно несетъ всѣ послѣдствія матеріальной нужды, которыя, прежде всего, сказываются въ усиленной смертности. Большіе города отличаются и большою смертностью. Кто пробѣгаетъ только самыя общія цифры статистики, тотъ, опираясь на нихъ, будетъ отрицать это положеніе: онъ сошлется на Лондонъ съ его смертностью въ 20—21 человѣкъ на 1000, о которой не могутъ и мечтать даже самыя благословенныя мѣстности нашего отечества, или на Парижъ, гдѣ смертность не превышаетъ 25 человѣкъ. Но если изслѣдовать смертность отдѣльныхъ западно-европейскихъ государствъ, не высокую для нашего русскаго масштаба, то деревни и небольшія городскія поселенія оказываются въ лучшихъ условіяхъ, нежели большіе города. Смертность во всей Франціи составляетъ только 22 на 1000 (1873—1882 гг.), а въ Парижѣ—25, въ деревняхъ Англіи—17, а въ Лондонѣ—20. Въ Австріи 31,1, въ Вѣнѣ—35,1. Эта слабая разница увеличится, если вспомнить, что большіе города имѣютъ относительно большее число жителей въ зрѣломъ возрастѣ, отъ 20 до 60 лѣтъ, когда смертность особенно не значительна. Но вліяніе большаго города на смертность становится вполнѣ понятно только тогда, когда городъ

раздѣленъ на округа, занятые не одинаково обезпеченными классами. Такъ изучилъ смертность въ Парижѣ еще въ 20-хъ годахъ настоящаго вѣка знаменитый французскій писатель Виллерме (за 5-лѣтіе 1822—26 г.): онъ вычислилъ, что въ первомъ округѣ, гдѣ были самыя дорогія квартиры и гдѣ жилища, не платившія налога, составляли только 7% общаго числа, на 1000 человѣкъ умирало только 14 (1 на 71 жителя), а въ бѣднѣйшемъ округѣ—12-мъ, съ 38% квартиръ, свободныхъ отъ налога, смертность составляла около 23 на 1000 (1 на 44) [23]). Прошло 60 лѣтъ; всѣ большіе города сдѣлали чрезвычайно много для оздоровленія, но и теперь мы находимъ подобныя и даже еще болѣе рѣзкія различія: по послѣднимъ даннымъ парижской статистики, въ 8-мъ округѣ, прилегающемъ къ Елисейскимъ полямъ и населенномъ, преимущественно, богатыми классами, смертность составляетъ только 15 на 1000, а въ 20 округѣ, наиболѣе бѣдномъ, 35, слишкомъ вдвое больше. Въ Вѣнѣ, въ I округѣ, населенномъ зажиточными классами, смертность составляла въ 1875 году только 14,3 на 1000, а въ X—съ населеніемъ изъ работниковъ, она была 43,0, въ 1874 году—даже 61,2. Въ Петер-

бургѣ, по вычисленіямъ д-ра Гюбнера, въ Адмиралтейской, Спасской, Казанской частяхъ, при средней наемной платѣ за одну комнату 110 138 рублей, смертность была только 21, 78—26, 39 на 1000, а въ Выборгской, Нарвской, Александро-Невской, при средней платѣ за комнату въ 29—62 руб., она составляла 54, 36—59, 86 на 1000. За трехлѣтіе (1880—82) смертность на 1000 жителей составляла: въ Адмиралтейской части 18,6—20,3, Литейной 20,6—23,6, Выборгской—34,1—35,9, Рождественской—31,4—52,4. Сопоставленіе этихъ цифръ даетъ намъ яркую картину противоположностей, представляемую жизнью большаго города: обширныя жилища, просторъ [24]), безукоризненная чистота въ домахъ, на дворахъ и улицахъ, доброкачественная пища, избытокъ всѣхъ мѣръ, которыми располагаетъ наука для предупрежденія заболѣваній и лѣченія—все способствуетъ въ однихъ кварталахъ сохраненію жизни, а скученность населенія, обиліе подвальныхъ помѣщеній, грязь въ домахъ и внѣ ихъ, дурное питаніе, недостатокъ предохранительныхъ и лѣчебныхъ мѣръ—все повышаетъ смертность въ другихъ кварталахъ далеко выше средняго уровня не только для цѣлой страны, но даже

и для тѣхъ ея мѣстностей, которыя имѣютъ наибольшую смертность: въ Россіи таковыми считаются Орловская, Смоленская, Нижегородская губерніи (46—47 на 1000), но и въ нихъ смертность далеко ниже, чѣмъ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ. Что наблюдается съ правильностью изъ года въ годъ, то обнаруживается съ большою рѣзкостью при болѣзняхъ эпидемическихъ: когда холера забирается въ большой городъ, то наноситъ богатымъ кварталамъ легкіе удары и собираетъ обильную дань съ частей города, населенныхъ бѣднѣйшими классами. Послѣдняя холера, посѣтившая Лондонъ (1849), унесла на 1000 умершихъ 26 лицъ богатыхъ классовъ, 157—среднихъ и 817—бѣдныхъ [25]). Рѣзкія колебанія смертности по частямъ города наблюдались также въ Неаполѣ въ холеру 1884 г.

Но есть и другая форма страдательнаго протеста противъ темныхъ сторонъ жизни въ большомъ городѣ. Не всякій имѣетъ силы настойчиво стремиться къ своему благополучію въ закономѣрныхъ предѣлахъ; не всякій готовъ для этой цѣли пользоваться всѣми средствами, за которыя караетъ законъ и осуждаетъ мораль. А гдѣ столько неудавшихся жизней, какъ въ большомъ городѣ? Гдѣ столько

обманутыхъ надеждъ? Гдѣ такъ часто рушится благосостояніе, не удовлетворяется честолюбіе, такъ легко исчезаетъ, повидимому, пылкая любовь и гдѣ, наконецъ, нужда сказывается въ такой острой формѣ? Здѣсь жизнь можетъ дать слишкомъ много; но здѣсь и удары судьбы особенно разнообразны, здѣсь всего легче овладѣваетъ человѣкомъ отчаяніе и ведетъ къ самоубійству. На 1 мил. жителей въ цѣлой Франціи приходится ежегодно 150 самоубійствъ, а въ Парижѣ 359; въ цѣлой Пруссіи 133, а въ Берлинѣ—278, въ Австріи 130, а въ Вѣнѣ—285, въ Россіи—30, а въ Петербургѣ—136 [26]). Тѣ классы, которые въ большихъ городахъ особенно многочисленны—домашняя прислуга, солдаты и лица безъ опредѣленнаго общественнаго положенія—представляютъ для самоубійства особенно благопріятную почву.

Но только меньшинство доходитъ до отрицанія жизни. Гораздо большая часть недовольныхъ дѣятельно борется съ невзгодами посредствомъ преступленія и порока. И вся многочисленная масса населенія, избирающая эти пути, подталкивается на нихъ или нуждою, или соблазнительными примѣрами, которые заставляютъ человѣка, недовольно стойкаго, ви-

дѣть нужду тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и испытывать болѣзненное чувство, при недостаткѣ только роскоши, комфорта, при неисполненіи пустыхъ и суетныхъ желаній. Понятно, какъ и почему нужда заставляетъ красть, грабить, убивать, предаваться разврату. Не лишне пояснить, какъ ведутъ на тотъ же путь соблазнительные примѣры.

Большіе города привлекаютъ къ себѣ многихъ лицъ богатыхъ классовъ только полнотой своихъ наслажденій. Не родинѣ, не наукѣ, не искусству, не гуманности хотятъ служить эти люди, а только наслажденію. Чѣмъ чаще смѣняются суетныя радости жизни, чѣмъ онѣ разнообразнѣе, чѣмъ менѣе сходны раздраженія нервовъ, которыя онѣ вызываютъ, тѣмъ лучше наполненъ досугъ, тѣмъ болѣе дѣятельной представляется праздность. Эта погоня за быстро смѣняющими другъ друга разнообразными наслажденіями вызывается не только желаніемъ испытывать все новыя и новыя ощущенія, но и стремленіемъ удовлетворить свое тщеславіе, стремленіемъ немногочисленнаго и празднаго меньшинства создать такія формы жизни, которыя рѣзко выдѣляютъ его изъ массы населенія и, при отсутствіи всѣхъ юридическихъ привилегій, образуютъ изъ него, въ

дѣйствительности, особую исключительную группу, дѣлаютъ его „лучшимъ обществомъ“, „high—lifомъ“, отличнымъ отъ всѣхъ, отъ массы, отъ народа. Это меньшинство не потому только ежегодно мѣняетъ покрой платья, рисунокъ мебели, экипажей, что старое было хуже новаго и послѣднее освѣжаетъ впечатлѣнія глазъ, но и потому, что старое получило всеобщее распространеніе даже среди людей, которые отнюдь не должны быть причисляемы къ лучшему обществу. Римскіе богачи не потому только ѣли морскихъ ежей и платили огромныя деньги за рыбъ изъ африканскихъ водъ, что эти яства вызывали особенно пріятныя вкусовыя ощущенія, но еще болѣе потому, что громадная масса населенія не имѣла доступа къ этимъ блюдамъ высшаго общества. И это желаніе выдѣлиться изъ массы заявляетъ о себѣ не только въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, распредѣленіи времени дня и ночи, но проникаетъ и болѣе высокія потребности человѣческой природы. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ господствуетъ тѣсный брачный союзъ между двумя и только двумя лицами. Но такъ какъ замкнутый бракъ, союзъ одного мужчины съ одною женщиной господствуетъ, то въ этомъ кругу создается особая мораль, выработывается

пренебреженіе къ тѣсному замкнутому браку. Жить съ одной женой и всецѣло ей приносить свои чувства считается не моднымъ, вульгарнымъ. Отсюда—и браки, преимущественно по разсчету, и дробленіе своего чувства между женой и другими женщинами, и полное отрицаніе семейной жизни, выражающееся въ мужчинахъ невступленіемъ въ бракъ, а въ женщинахъ—заключеніемъ брака только для того что-бы „sauver les apparences“. Эти явленія, столь обычныя въ жизни большаго города, не прячутся подъ замокъ, не скрываются отъ дневнаго свѣта и глазъ многотысячной толпы, а окружаются ореоломъ; эти противообщественныя влеченія не предаются позору, а идеализируются искусствомъ. Припомнимъ мастерство, съ которымъ Альфонсъ Додэ очертилъ эту сторону жизни Парижа. Героиня его романа Сафо не только пользуется всѣмъ комфортомъ, который могутъ доставить ей многочисленные поклонники: талантливый ваятель увѣковѣчиваетъ ее въ мраморѣ; знаменитый поэтъ приноситъ къ ея ногамъ свои пѣснопѣнія; юноша, полный надеждъ и вдохновенія, забываетъ въ ея объятіяхъ о дѣятельности, которую онъ готовъ былъ предпринять на благо родины. Часто-ли добродѣтельной женѣ и матери, надѣленной всѣми дарами ума, сердца и даже красоты выпадаетъ такая завидная доля?

Вотъ тотъ избранный кругъ, который даетъ тонъ значительной части населенія въ большомъ городѣ. Средніе люди небогатыхъ классовъ, твердые въ началахъ болѣе высокой нравственности, не соблазняются этимъ внѣшнимъ блескомъ и требованіями хорошаго тона, а спокойно идутъ своимъ путемъ. Люди съ сильнымъ умомъ и чуткимъ нравственнымъ чувствомъ борятся съ этой испорченностью словомъ, перомъ и примѣромъ. Но велико число и тѣхъ, которые не способны возвыситься до сознательной борьбы и не хотятъ удовлетвориться малымъ. Съ завистью взираютъ они изо дня въ день на этотъ внѣшній блескъ; онъ увлекаетъ ихъ. Зависть принимаетъ двоякую форму. Въ среднихъ классахъ, которые могутъ мечтать хотя о нѣкоторомъ приближеніи къ этимъ утонченнымъ формамъ жизни, она выражается въ слѣпомъ подражаніи недосягаемымъ образцамъ, въ стремленіи хотя немного уподобиться имъ привычками и воззрѣніями. Нѣтъ условій, чтобы подражаніе оставалось безнаказаннымъ, нѣтъ средствъ, и это достигается или повальной привычкой жить не по доходамъ, входить въ долги, подготовлять своей семьѣ не радостное,

полное лишеній будущее или же, какъ показываетъ уголовная хроника большихъ городовъ, обильными, крупными и утонченными мошенничествами, нарушеніемъ своихъ общественныхъ или семейныхъ обязанностей. Въ беднейшихъ классахъ населенія зависть эта получаетъ другую окраску: тамъ уже нетъ да и не можетъ быть стремленія пріобрести хотя частицу блеска, который озаряетъ счастливое меньшинство. Тамъ особенно соблазняетъ не проявленіе этого блеска, а возможность пользоваться благами жизни безъ труда, въ полной праздности. А праздность и возможность получить отъ жизни безъ труда хоть немногое такъ соблазнительны, что зависть, разъ закравшаяся въ людей бедныхъ классовъ, быстро отведетъ ихъ на путь преступленія и разврата.

Статистика уже давно наблюдаетъ, что города, по относительному числу преступленій, далеко оставляютъ за собою деревни. По даннымъ за 1865 г., во всей Франціи 1 обвиняемый приходился на 9000 жителей, въ департаменте же Сены—1 на 4273. Въ 1882 году во всемъ государстве было 13 уголовныхъ преступленій на 100000 жителей, а въ Париже 27. По уголовной статистике Россіи за 1879 годъ, 1 подсудимый приходился: въ

Европейской Россіи на 1052 жителя, Петербургской губерніи на 472, Московской—на 381. Но данныя статистики только точно определяютъ то, что понятно и при одномъ беглом взгляде на жизнь большаго города. При многолюдстве большихъ городовъ, каждый чувствуетъ себя особенно одинокимъ. Въ деревне, где каждый имеетъ хотя небольшую долю вліянія, устанавливается естественный надзоръ другъ за другомъ, который и служитъ лучшимъ охранителемъ добрыхъ нравовъ; въ городахъ же люди разделяются на касты, между которыми мало общаго. Въ Петербурге, Париже, Лондоне человекъ часто живетъ въ среде, более развращенной, чемъ въ любой деревне. Теряясь въ массе людей, которые относятся къ нему безучастно, чувствуя тягость одиночества, встречая ежедневно тысячи искушеній, человекъ темъ скорее уступаетъ имъ, что легко избегаетъ общественнаго осужденія.—Соблазняемые къ преступленіямъ всемъ складомъ жизни большаго города, многіе проходятъ правильную школу, подготовляющую къ этому порочному пути. Въ Лондоне, напр., есть целый классъ воровъ, воспитывающихъ детей для своего промысла. Опытные воры привлекаютъ къ себе мальчиковъ 10—12 летъ,

не жалѣютъ затратить нѣсколько десятковъ рублей, что-бы познакомить ихъ съ разными удовольствіями и показать преимущество порока предъ трудовой жизнью. Разъ мальчикъ уступилъ, онъ безповоротно идетъ по этому пути. Такими-же опытными воспитательницами дѣтей къ воровству служатъ многія содержательницы мелочныхъ лавокъ, продавщицы прохладительныхъ напитковъ и т. д. [27]).

Другой рѣзко выдающейся формой порока служитъ половый развратъ. Отвращеніе отъ строгой семейной жизни и половая распущенность, многочисленность людей, не вступающихъ въ бракъ, начинаясь въ верхнихъ слояхъ населенія, проникаютъ въ средніе и даже бѣдные классы. Привычка многихъ мужчинъ любить недѣлями или днями представляетъ обширное поле соблазна для женщинъ, особенно бѣдныхъ классовъ, бросаетъ ихъ безъ призора на строгій судъ общественнаго мнѣнія и порождаетъ ту огромную проституцію, которая служитъ истинной язвой большихъ городовъ. Одинъ изъ современныхъ писателей по этому вопросу говоритъ о полномъ отсутствіи проституціи въ деревняхъ и о стремленіи всѣхъ, кто становится на этотъ путь, идти въ большой городъ [28]). Хотя по изслѣдованію многихъ тысячъ случаевъ знаменитымъ парижскимъ врачомъ Паранъ-Дюшателемъ, огромное большинство проститутокъ становятся таковыми не по наклонности, а по неимѣнію средствъ къ жизни или по оставленію ихъ любовниками, хотя, такимъ образомъ, вина нравственной испорченности лежитъ не въ нихъ, а падаетъ на всѣ условія жизни города, однако, разъ женщина ступила на этотъ путь, она крайне рѣдко оставляетъ его и становится источникомъ нравственнаго растлѣнія для всѣхъ юныхъ людей, которые съ нею соприкасаются. А какъ велико число проститутокъ, видно изъ того, что въ Лондонѣ насчитывалось ихъ 70000 (1858 г.), въ Парижѣ—30000 [29]). И это зло не только не уменьшается, но часто, съ ростомъ населенія въ городѣ, даже относительно возрастаетъ. Такъ, въ Берлинѣ съ 1858 г. до 1863 г. населеніе увеличилось на 10%, а число проститутокъ—на 66%. Но особенно ужасно то, что въ этомъ числѣ многія имѣютъ едва 11—12 лѣтъ отъ рода. Совращеніе дѣвочекъ на путь порока въ самомъ юномъ возрастѣ и многочисленность цѣлаго класса сводницъ такъ ярко обнаружились изъ недавнихъ разоблаченій лондонской Pall-Mall-Gazette [30]). Но размѣры всѣхъ пороковъ и

преступленій не поддаются точному числовому опредѣленію. Къ этимъ огромнымъ массамъ нужно прибавить многія тысячи, которыя тщательно скрываются отъ всякаго наблюденія. А объ обиліи этихъ массъ можно судить уже потому, что незаконныя рожденія въ городахъ далеко оставляютъ за собою деревни. Согласно съ данными статистики, во всей Европѣ на 100 рожденій приходится 1,59 незаконныхъ, въ Россіи—2,7, во Франціи—7,5, а въ Парижѣ—26,7, Петербургѣ—24, Вѣнѣ—45,3.

Проходя мимо многихъ другихъ темныхъ сторонъ большаго города, мы скажемъ, что здѣсь представляется наиболѣе обширная площадь для проявленія всѣхъ порочныхъ наклонностей человѣка: всѣ дурныя страсти, которыя сопровождаютъ богатство, получаютъ здѣсь наибольшее напряженіе; всѣ пороки, которые часто сопутствуютъ бѣдности, облекаются здѣсь въ самыя отталкивающія формы.

IV.

Неужели большіе города путемъ свободной дѣятельности своего населенія не въ состояніи примирить эти противорѣчія? Неужели огромныя богатства, которыя стекаются сюда со

всѣхъ концовъ земли, не могутъ доставить всѣмъ этимъ массамъ нуждающихся хотя первоначальныхъ удобствъ жизни? Развѣ сокровищницы знанія не могутъ удовлетворить всѣ умственныя нужды отъ пышныхъ чертоговъ до убогихъ жилищъ? Развѣ, наконецъ, та высшая человѣчность, которую большой городъ воспитываетъ въ лучшихъ душахъ, не способна принести всѣмъ нуждающимся совѣтъ, теплое участіе, матеріальныя блага, надежду туда, гдѣ отчаяніе, вызвать искреннее раскаяніе на мѣстѣ укоренившагося порока?

Исторія каждаго большаго города знакомитъ насъ съ длинной цѣпью благотвореній, съ самоотверженнымъ служеніемъ ближнему, съ разнообразными попытками измѣнить къ лучшему бытъ бѣдняковъ. Эти мѣры, вытекающія изъ свободной дѣятельности гражданъ, направлены на устройство жилищъ, на улучшеніе способовъ пріобрѣтенія разныхъ товаровъ, на отысканіе заработковъ, выдачу денежныхъ пособій, расширеніе умственнаго образованія, возвращеніе падшихъ людей къ трудовой честной жизни. Но стремленіе воздѣйствовать на темныя стороны общественнаго быта не ограничивается благотворительной дѣятельностью отдѣльныхъ горожанъ. Лучшіе люди мысли и

слова въ церковной и свѣтской литературѣ громятъ пороки богатыхъ и призываютъ ихъ къ добродѣтельной жизни. Тысячи проповѣдниковъ напоминаютъ съ церковныхъ каѳедръ великіе завѣты Евангелія, этой сокровищницы высшихъ нравственныхъ началъ. Сатира отъ Ювенала до Щедрина обличаетъ пустоту большинства людей богатыхъ классовъ, чтобы путемъ осмѣянія направить ихъ къ иной, лучшей жизни. Романъ, публицистическое произведеніе, которые и у насъ представлены первоклассными писателями, обнаруживаютъ глубокую бездну между нравственнымъ идеаломъ человѣка и ходячей моралью нашего времени и не однажды въ годъ краснорѣчивымъ словомъ призываютъ богатыхъ и сильныхъ на служеніе братіи меньшой. Отчего же столько знанія, ума, художественнаго таланта приносятъ такую скудную жатву? Отчего не спѣшатъ всѣ на этотъ призывъ, отчего только частица нуждъ получаетъ удовлетвореніе и подается только малая доля помощи, которая могла-бы быть подана?—Радости жизни такъ соблазнительны, путь порока такъ удобенъ, особенно, когда большинство въ господствующихъ классахъ, которые и образуютъ общественное мнѣніе, поддерживаетъ на этой до-

рогѣ; отказъ отъ наслажденій такъ тягостенъ и путь къ добродѣтели тернистъ! Вотъ почему большая часть слышащихъ призывный гласъ, остается тѣми гробами, о которыхъ говоритъ Евангеліе. А если тѣ общественные слои, которые обладаютъ всѣми средствами для улучшенія быта неимущихъ, не останавливаются въ погонѣ за утѣхами жизни, то какъ можно мечтать о нравственномъ перевоспитаніи испорченныхъ людей бѣднѣйшихъ классовъ, о привитіи имъ хотя бы самыхъ начальныхъ задатковъ трудолюбія и честности. Графъ Л. Н. Толстой въ немногихъ словахъ объясняетъ причины, почему нельзя и мечтать о нравственномъ воспитаніи бѣднѣйшихъ классовъ города. Онъ взялъ къ себѣ изъ ночлежнаго дома мальчика Сережу, что-бы исправить его и отдать въ обученіе ремеслу. Но онъ не былъ склоненъ къ работѣ и чрезъ нѣсколько дней убѣжалъ, что-бы заработывать что-нибудь участіемъ въ процессіи, водившей слона. Онъ не хотѣлъ работать потому, что „узналъ возможность веселой жизни безъ труда, что онъ отвыкъ работать. И я, что-бы облагодѣтельствовать и исправить его, взялъ его въ свой домъ, гдѣ онъ видѣлъ. .. что-же? Моихъ дѣтей— и старше его, и моложе, и ровесниковъ, ко-

торые ничего для себя не только не работали, но всѣми средствами доставляли работу другимъ“ [31]).

Но если отдѣльные случаи высшей гуманности, какъ ни цѣнны они сами по себѣ, приносятъ сравнительно малую долю пользы [32]), если воззванія моралистовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ перевоспитывали немногихъ, если нравственное перевоспитаніе человѣчества требуетъ долгихъ періодовъ времени, то есть одна сила, которая, устраняя разныя невыгоды общественнаго быта, способна парализовать и дурныя вліянія большихъ городовъ. Сила эта—государственная власть.

Что-же должна сдѣлать государственная власть? Разрушить большіе города и, подобно древнимъ римлянамъ, провести плугомъ по мѣстамъ, которыя служили много вѣковъ разсадниками культуры?

Нѣтъ, нужна борьба не съ большими городами, самими по себѣ, а только съ тѣми условіями, которыя порождаютъ острыя противорѣчія въ общественной жизни. Эта борьба должна облекаться въ троякую форму.

1) Въ форму мѣропріятій, способныхъ уменьшать неравенство состояній. Наши потомки будутъ жить въ общественномъ строѣ, очень мало похожемъ на настоящій: земля и всѣ орудія производства будутъ принадлежать государству. Таковъ весь ходъ исторіи человѣчества, и государственная власть должна безостановочно приближать людей къ этой цѣли. Ограниченіе права частной собственности, равномѣрное распредѣленіе податей, отмѣна налоговъ, обременяющихъ бѣднѣйшіе классы населенія, пользованіе казенными землями для обезпеченія многочисленнаго сельскаго класса надѣлами, разселеніе народа изъ малоплодородныхъ мѣстностей на плодоносныя окраины, сосредоточеніе въ вѣдѣніи казны тѣхъ отраслей промышленности, которыя съ успѣхомъ могутъ быть ведены администраціей—вотъ нѣкоторыя изъ мѣропріятій перваго разряда. Эти мѣры, улучшая весь общественный бытъ, способны могущественно дѣйствовать и на большіе города: открывая новые обильные источники заработковъ для бѣднѣйшихъ классовъ и уменьшая свободные доходы людей богатыхъ, затрачиваемые на роскошь, эти мѣры способны ослаблять притягательную силу большихъ городовъ для многихъ, какъ тѣхъ, которые ищутъ тамъ только наслажденій жизни, такъ и тѣхъ, которые ищутъ работы или благотворительности. Уменьшая число праздныхъ богатыхъ лю-

дей, онѣ могутъ съуживать площадь соблазнительныхъ примѣровъ; уменьшая число нуждающихся, онѣ способны съуживать ту площадь, на которой развивается зависть, гдѣ такъ много несчастья, такъ много наклонности къ преступленію и пороку.

2) Мѣры, направленныя прямо на городской бытъ, должны состоять въ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ населенія и доставленіи ему хотя бы тѣхъ скромныхъ удобствъ, которыхъ требуетъ гигіена. Помимо оздоровленія городовъ въ цѣломъ, необходимо требованіе закона, что-бы всѣ горожане, которые пользуются промышленнымъ трудомъ или личными услугами бѣднѣйшихъ классовъ, давали имъ удобное жилище. Если законъ предписываетъ извѣстныя правила для устройства и содержанія фабричныхъ помѣщеній, то не въ равной-ли мѣрѣ необходима забота и о жилыхъ помѣщеніяхъ для этого многотысячнаго люда? Параллельно съ этимъ государство и города должны подавать частнымъ лицамъ примѣръ заботливости о жилищахъ лицъ, имъ служащихъ: отсюда—устройство казенныхъ и городскихъ зданій для отвода квартиръ всѣмъ государственнымъ и городскимъ чиновникамъ отъ высшихъ и, въ особенности, до самыхъ низшихъ. Съ

тѣмъ вмѣстѣ должна идти усиленная дѣятельность городовъ и правительства для удовлетворенія духовныхъ нуждъ бѣднѣйшихъ классовъ посредствомъ расширенія образованія и доставленія общедоступныхъ эстетическихъ наслажденій.

3) Наконецъ, мѣры третьяго ряда должны быть направлены на доставленіе всей странѣ значительной доли тѣхъ выгодъ, которыми пользуются теперь только большіе города. Прежде всего—удобства матеріальной жизни. Многія новыя крупныя завоеванія въ области техники способны оказывать великія услуги децентрализующей дѣятельности государства. Пусть только государство пользуется побѣдами науки въ интересахъ всего народа и, особенно, бѣднѣйшихъ классовъ, а не отдѣльныхъ лицъ или группъ. Желѣзныя дороги, соединяющія съ центромъ отдаленныя окраины, уже много сдѣлали въ этомъ направленіи. Но безостановочные успѣхи знаній позволятъ, быть можетъ, еще намъ быть свидѣтелями важнаго преобразованія промышленности. Недавно открытъ способъ произвольно дробить двигательную силу электричества и передавать ее на дальнія разстоянія. Если примѣненіе пара требовало сосредоточенія промышленности и переносило

ее изъ деревень въ города, то возможность указаннымъ способомъ пользоваться электричествомъ должна вызвать обратное движеніе — оттягивать промышленность отъ большихъ городовъ въ мелкіе центры и деревни, препятствовать быстрому росту городскаго населенія и даже абсолютно уменьшать его. А это, открывая въ странѣ повсемѣстно разнообразные источники дохода и роды занятія, способно создать въ государствѣ много притягательныхъ центровъ. Но не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ! Необходимо повсемѣстное распространеніе тѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, тѣхъ формъ и способовъ для удовлетворенія духовныхъ интересовъ, которые даетъ теперь только большой городъ.—Наконецъ, во главѣ всего, и особенно для нашего отечества, стоитъ широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Дальнѣйшее развитіе мѣстнаго самоуправленія способно самымъ облагороживающимъ образомъ дѣйствовать на людей всѣхъ слоевъ и всѣхъ имущественныхъ положеній. Въ бѣднякѣ оно можетъ поддерживать убѣжденіе, что жизнь его не есть только исканіе куска хлѣба, что грамотность и знанія, даваемыя школой, не—пустая забава, не—излишняя роскошь, а необходимы для пониманія

нія мѣстныхъ нуждъ и для участія въ ихъ удовлетвореніи. Богатый, имѣя на мѣстѣ обширное поле для примѣненія своихъ умственныхъ силъ и энергіи, не рѣдко будетъ удержанъ отъ жаднаго стремленія въ городъ, куда всего болѣе влечетъ тщеславіе. Перенесеніе многихъ предметовъ государственныхъ заботъ изъ центровъ въ провинціи, передача ихъ въ вѣдѣніе широкаго свободнаго самоуправленія способны объединять всѣ слои населенія и сглаживать тѣ рѣзкія классныя различія, которыя служатъ главными преградами для общественныхъ успѣховъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Roscher. Ansichten der Volkswirthschaft. 3 Aufl. 1878, I, 322.

2) Ср. Kohl. Die geographische Lage der Hauptstädte Europas. 1874.

3) Pöhlmann. Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte. 1884, 17.

4) На все населеніе по послѣднимъ переписямъ народились: въ Москвѣ 26% (1882 г.), въ Петербургѣ—29½% (1881), въ Парижѣ—30% (1880 г.), Берлинѣ—44% (1880 г.).

5) Böckh. Die Staatshaushaltung der Athener, I, 67.

6) Pöhlmann. Т. ж.. 14—15.

7) Стоитъ сравнить удобства жилищъ въ большихъ городахъ и малыхъ.

8) См. Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. 1873.

9) Statist. Jahrbuch der Stadt Berlin, 1885.

10) Pöhlmann. Т. ж. 83.

11) *Прайсъ—Уилліамсъ* напечаталъ недавно изслѣдованіе о населеніи Лондона въ періодъ отъ 1801—81 года. Въ 1881 году, при средней населенности 51, 28 на 1 экръ, населенность отдѣльныхъ округовъ колебалась отъ 5 до

320 душъ на экръ. См. Journal of the Statistical Society 1885. September.

12) Т. ж. 89.

13) *Энгель* (Die moderne Wohnungsnoth) вычисляетъ расходы на перемѣну квартиръ не менѣе 3 милл. марокъ въ годъ. Чѣмъ квартиры дешевле, тѣмъ чаще мѣняютъ ихъ.

14) Для сужденія о высотѣ домовъ въ древнихъ городахъ ср. Pöhlmann. Т. ж. 90—91.

15) Т. ж. 96—7.

15 а) Ср. богатое матеріаломъ изданіе: Die Wohnungsnoth der ärmeren Klassen in deutschen Grossstädten. 2 B. 1886. 15.

15 б) Т. ж. II, 34.

16) d' Haussonville. La misère à Paris. Revue de deux mondes. 1881 Juin, 842.

17) Отчетъ городской коммиссіи общественнаго здравія за 1881—85 года, 1886.

18) См. Русск. Вѣд. 1886, январь.

19) Изъ воспоминаній о переписи. Русск. Богатство, 1885, IX, X, стр. 14. См. также его очерки въ томъ-же журналѣ 1885, III, IV и XII.

20) Матеріалами для изученія квартирнаго вопроса въ городахъ могутъ служить переписи городовъ, затѣмъ труды: Villermé. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers 1840. Многія статьи извѣстнаго филантропа *Губера*. Mayhew. London Labour and the London Poor. 1866. Sax. Die Wohnungsverhältnisse der arbeitenden Klassen. 1869. Engel. Die moderne Wohnungsnoth. 1873. Engels. Zur

Wohnungsfrage. 1872. *Его же*. Die Lage der arbeitenden Classe in England. 1845. Ruprecht. Die Wohnungen der arbeitenden Klassen in London 1884. Die Wohnungsnoth der ärmeren Klassen in deutschen Grossstädten. 2 B. 1886. Названная статья. d' Haussonvill-я, интересныя статьи г. *Зибера* (Отечеств. Записки и Юридическій Вѣстникъ 1886, I и II) и мн. др. Литература по этому вопросу, входя отчасти въ составъ литературы по рабочему вопросу, чрезвычайно обширна.

21) Въ 1884 г. въ Парижѣ было болѣе 125000 квартиръ, не платившихъ налога, съ наемной платой не выше 500 фр. въ годъ; всѣ эти квартиры должны быть признаны жилищами для бѣдныхъ.

22) d' Haussonville. Назв. статья.

23) Villermé. Tableau de l'état physique et moral. 1829.

24) Въ Парижѣ V округъ даетъ на каждаго жителя 23,86 квадр. метра, а XIII—86,58. Въ Петербургѣ отъ 1,9 кв. саж. на 1 жителя въ Спасской части до 45,3 въ Васильевской, 84,8 на Охтѣ и т. д. (Статист. ежегод. III, 16). Рѣзкія различія находимъ мы въ населенности квартиръ. Въ Петербургѣ средняя населенность па 1 комнату равна 1,8 души, а въ подвальныхъ жилищахъ—3,5. въ 4 Литейномъ участкѣ 1,7, а во 2 Александро-Невскомъ 4,9 (Статист. Ежегодн. IV, 43—4).

25) Sax. Die Wohnungsverhältnisse... 1869, 37.

26) *Лихачевъ*. Самоубійство въ Западн. Европѣ и Европейск. Россіи. 1882, 40.

27) Ср. Faucher. Lettres sur l'Angleterre, I, 91—2.

28) Martineau. Тайная проституція. Перев. съ французск. 1886, 31—2.

29) Не нужно обольщаться тѣмъ, что перепись 1882 года опредѣляетъ для Москвы число лицъ, живущихъ проституціей, скромной цифрой 1582. А сколько нужно отнести сюда изъ 30000 слишкомъ женщинъ, занятія которыхъ не указаны, изъ 70000 женской прислуги и другихъ?

30) Oettingen. (Moralstatistik.) насчитываетъ въ Вѣнѣ до 600 профессіональныхъ сводницъ; а сколько нужно прибавить сюда такихъ, которыя умѣютъ скрывать свой благородный промыселъ?—Процессъ совращенія дѣвушекъ на путь порока сжато, но выразительно представленъ въ разсказѣ Г. И. Успенскаго «Первая квартира» (Сочиненія, т. I).

31) Изъ воспоминаній о переписи. Русск. Богатство. 1885, X, 8.

32) Обратимъ, напр., вниманіе на разрѣшеніе въ городахъ, посредствомъ филантропіи, квартирнаго вопроса. Въ 1885 году въ Лондонѣ было 72 дома, устроенныхъ филантропіей, съ населеніемъ въ 70000 душъ. Что значитъ эта цифра въ массѣ недостаточнаго люда огромнаго города? Такъ какъ цѣны квартиръ были не менѣе 10 фунт. въ годъ, то здѣсь могутъ искать себѣ жилищъ только сравни-

тельно хорошо оплачиваемые работники. Петербургское общество ночлежныхъ домовъ, по отчету за 1884 годъ, дало въ своихъ 3 домахъ прiютъ 350—400 ночлежникамъ. Въ домахъ петербургскаго общества квартиръ живутъ 600 бѣдныхъ семей. Не исчезаютъ-ли эти цифры въ массѣ бѣднаго люда столицы?

Конецъ.

Оглавленіе.

I. Условія возникновенія и развитія большихъ городовъ 5

II. Показная сторона жизни въ большихъ городахъ 13

III. Темныя стороны жизни въ большихъ городахъ 31

IV. Противодѣйствіе дурному вліянію большихъ городовъ 60

Примѣчанія 70
